

18+

О ТОМ, КАК ЛЕГКО ПРОВАЛИТЬСЯ.

И КАК ТРУДНО ВЫБРАТЬСЯ

ЗЫБУЧИЕ ПЕСКИ

КИРА ЛОБО

Кира Лобо
Зыбучие пески

«Издательские решения»

Лобо К.

Зыбучие пески / К. Лобо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691964-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.У**

Васи необычное хобби — искать друзей среди тех, кто не хочет жить. Саша и Лёня — подходящие кандидаты в Васины друзья. Но каждый раз, предлагая себя в качестве спасательного круга, Вася задаётся вопросом: как спасти чужую жизнь, если твоя собственная нуждается в чьей-то помощи?

ISBN 978-5-00-691964-8

© Лобо К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Вася	6
Глава 2. Саша	8
Глава 3. Лёня	11
Глава 4. Вася	14
Глава 5. Саша	20
Глава 6. Вася	26
Глава 7. Лёня	29
Глава 8. Саша	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Зыбучие пески

Кира Лобо

© Кира Лобо, 2026

ISBN 978-5-0069-1964-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#####Для тех, кто со мной в одной лодке.

#####Возьмите себе этот жилет.

#####Надеюсь, мы не утонем.

*Если бы мы жили в другом месте,
мы бы писали другие песни.*

25/17

Глава 1. Вася

– Да где этот грёбанный вход?!

Навигатор указывал на дом, в котором около миллиона дверей. Половина из них с домофонами – жилые подъезды. Остальная половина – непонятно что. Вывески либо с наркоманскими неразборчивыми названиями, либо вообще отсутствуют. Ну кто так строит?!

Толкая подряд всё, что свободно открывается, я наконец нашёл искомое. Некоторые из присутствующих обернулись на звук открывающейся двери.

Я представлял себе это немного иначе. Большой зал, в центре которого замкнутым кольцом стоят стулья. На одном из них восседает наигранно-радостный «главарь», а все остальные держатся за руки, выкрикивая что-то вроде «мы счастливы» или «жизнь прекрасна». Вдоль стен расставлены столы, накрытые цветочными скатертями и усыпанные разнообразными канапе. На фоне расслабляющая медитативная музыка.

Всего этого не было. Вопреки моим ожиданиям, всё выглядело совсем не так.

Небольшая комнатуха, с хаотично расставленными стульями в два ряда. Половина из них пустые. В углу грязный кулер с водой. Пять человек сидят максимально далеко друг от друга. Из-за крошечных размеров комнаты это максимальное расстояние составляет один-два пустых стула. Чтобы быть ещё дальше, почти все присутствующие сжались, обхватив себя руками. Напротив них – примерно на расстоянии вытянутой руки – сидит женщина с какой-то брошюрой в руках. Из фоновой музыки только звук переворачивающихся страниц и неловкое покашливание с разных сторон. И никаких тебе «я Олег, и я алкоголик» и дружного «привет, Оле-ег».

Врут во всех этих фильмах, получается.

На заднем ряду около стены сидел мужчина. Единственный, кто не сжимался и как будто чувствовал себя уверенно. К нему я и подсел. Отчасти из-за того, что он не был похож на психа. Но скорее всего мой выбор основан на том, что других мужчин здесь нет. Не считая того полупокера с длинной чёлкой в другом конце комнаты. Да и вообще редко встретишь мужчин на такого рода мероприятиях.

Моему соседу на вид лет пятьдесят. А то и больше. Об этом говорили его старпёрская рубашка, седина на висках, мелкие морщины вокруг глаз и две глубокие между бровей. Чёрт! Надо бы поменьше хмуриться, а то лет через двадцать обзаведусь такими же. Я расслабил лицо и потёр точку выше переносицы. Вдруг поможет.

Мужик уставился на кураторшу, будто внимательно слушал, и крутил обручальное кольцо. Я машинально – мизинцем и большим пальцем – поправил своё.

Бросив рюкзак на соседний стул, я пригляделся к остальным. Первая на глаза попала девушка в свитере. На улице плюс двадцать два, какой свитер? Она натянула рукава на сжатые кулаки. Наверняка одна из тех чокнутых, кто режет себе руки.

В её ряду сидит тот подросток с длинной чёрной чёлкой и широкими, спущенными чуть ли не до колен джинсами. Ну, собственно, тоже типичный представитель.

Оставшиеся две женщины были противоположностями друг друга: одна из них нервно обкусывала кожу на пальцах и качала ногой. Серая мышка. Такой легко затеряться в толпе. Да и без толпы на неё сложно обратить внимание. Её голова, по всей видимости, давненько не встречалась с расчёской.

Вторая – накрашенная, я бы даже сказал, размалёванная. В длинном обтягивающем платье в цветочек. Как будто на Премию Муз-ТВ припёрлась, ей-богу. Сложив на животе руки, она рассматривала свои разноцветные ногти и раскачивалась. Выглядело так, будто она находится здесь не по доброй воле.

Я развалился на дешёвом пластиковом стульчике и рассматривал окружающих, скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу. Да, господа психологи, в максимально закрытой позе. Всё-таки я не один из них.

– В нашем полку прибыло? – мужской голос вырвал меня из наблюдений.

– Я журналист, – отрезал я, – пишу про психов. Здесь я просто собираю информацию. Он только усмехнулся. Может, он тоже? А может, я не первый говорю это?

– И так, нас наконец-то чётное количество, – произнесла женщина с брошюрой. – Значит мы готовы к следующему упражнению.

Звучит как-то стрёмно. Для чего ей может понадобиться чётное количество человек? Чтобы не тратить зря патроны в двустволке?

– Давайте разобьёмся на пары, и я объясню, что делать.

А что тут объяснять? Прижаться друг к другу поплотнее, склонив головы, чтобы удобнее было целиться, и не рыпаться.

Она встала со своего места и указала, кто кому достанется. Чокнутую с полупокером, мышку с размалёванной. Меня, естественно, объединили с мужиком, сидящим рядом. Доставай уже своё ружьё, подруга!

– Вы сейчас должны сесть спиной друг к другу так, чтобы ваши спины полностью соприкасались. Как будто вы – одно целое.

Я ждал продолжения, но его не было. Тишину нарушали только шуршание наших тел и скрежет пластиковых ножек по уложенному плиткой полу. Мы стали медленно двигать стулья, пересаживаться, поворачиваться. Странное упражнение. А что, если у кого-то горб? Второму придётся проявить гибкость. А если горб у обоих? Вроде у моего напарника горба нет. Уже хорошо.

– Ну и чё дальше? – спросил я.

Кураторша приложила к губам указательный палец. Понял, молчу.

Не знаю, сколько мы так просидели. В какой-то момент мне стало тепло. Нет, в комнате было тепло и до этого, лето же за окном. Я почувствовал тепло внутри. Будто зашёл домой с мороза и сходу бахнул стопку водки. Что за сатанистские фокусы?

– А теперь, не отрываясь, возьмите своего напарника за руки.

Мы со стариком неловко сцепили руки. От этого я вообще размяк. Спина расслабилась, как будто теперь можно на кого-то опереться. Руки наполнились силой, как будто теперь кто-то поддерживает. Давненько я не чувствовал ни опоры, ни поддержки. Ни тепла. Интересно, остальные чувствуют сейчас то же самое?

– Александр, – моя «пара» протянула мне руку. Я пожал её.

– Вася.

Глава 2. Саша

Нужно собрать новую систему. Последняя меня подвела. Витя прав: Рубин – фуфло, надо было ставить на Торос.

Я уже несколько дней прихожу в себя после этого позора. 2:6 и вся система полетела к чертям. Ну куда это годится? Лучше бы я выбрал систему «два из четырёх». Дурак.

В следующий раз подстрахуюсь экспрессами, надо только всё просчитать. Пока не пойму, Витя настолько хорош в анализировании или ему просто везёт? Попробую ради эксперимента продублировать его ставки.

Я бросил взгляд на настенные часы. Сколько там до конца осталось?

С грохотом раскрыв дверь, в наш зал ввалилась девушка. Она раздражённо чертыхалась.

Соседнее свободное место было завалено моими вещами. Я почему-то решил, что из всех пустых стульев, она выберет именно этот. Когда девушка приблизилась, я уважительно сгрёб их к себе на колени, и она плюхнулась рядом.

Я стал внимательно её рассматривать. Она резко откинула волосы назад, глубоко вдохнула, хрустнула всеми пальцами на руках и уставилась на окружающих, принципиально игнорируя меня. Она напомнила мне мою жену: показательно жёсткая, закрытая, скептическая. Её движения были широкими, быстрыми, кричащими «это моё пространство, не подходите ко мне». После обозначения своей территории она приняла закрытую позу.

Пока куратор читала лекцию, моя соседка комментировала себе под нос грубыми замечаниями. В прошлый раз мы слушали душещипательную историю вон той дамы, что грызёт пальцы, о её постоянных неудачах в личной жизни. Сегодня в очередной раз речь зашла о том, что большинство наших подсознательных травм, создающих проблемы в настоящем, тянутся из далёкого детства и отношений с родителями. На этом моменте моя соседка сжала губы, вздёрнула глаза к потолку и дважды моргнула. Вот-вот расплачется. Один в один моя Яна. Неужели у таких молодых и красивых тоже бывают проблемы?

Мне уже достаточно лет, поэтому я знаю, что нужно делать, чтобы не дать человеку разразиться слезами.

– В нашем полку прибыло? – Обратился я к ней. Она резко шмыгнула носом.

– Я журналист, пишу статьи про психов.

Её брошенный на соседний стул рюкзак был раскрыт, и из него торчала помятая пачка амитриптилина. Я едва заметно вскинул брови. Кто-то ещё выписывает трициклические? Смело. Мне казалось, уже весь мир перешёл на СИОЗС. Я усмехнулся, но промолчал.

Когда куратор разбила нас по парам, я решил, что познакомиться не помешает.

– Александр, – я протянул ей руку. Она бодро, даже как-то по-мужски, пожала её.

– Вася.

Первым делом мне захотелось спросить, почему она выбрала именно такую форму. Ведь Василиса – красивое и редкое имя. Но интуиция мне подсказывала, что не стоит.

– Прекрасная или премудрая?

– Шутки за триста?

Эта дерзкая манера почему-то ни капли не отгаликивала. Скорее наоборот, забавляла и пробуждала интерес. Давненько мне не доводилось искренне улыбаться, но, глядя на Васю, я не мог остановиться это делать. Меня охватило чувство ностальгии. Я просидел с этим приятным теплом всё оставшееся время. По окончании сегодняшней встречи тёплую спину удаляющейся Василисы я провожал с улыбкой.

Когда я сел в машину, часы показывали только полдень. И что прикажете теперь делать? Не идти же домой в таком хорошем настроении. Я решил заехать в «Триггер». С проверкой, так сказать.

Сегодня выходной, поэтому небольшая парковка у магазина забита. Моё место, само собой, пустое. Я не люблю подобную привилегированность, но мои ребята в один голос утверждают, что каждый раз кружить по двору в поисках места для меня «не по статусу». Молодёжь. Что с них взять?

У моих ребят в оружейке плавающий график. Я не контролирую, как они там работают – полностью им доверяю. Амир работает со мной почти с самого открытия. Когда я ухожу, всегда оставляю его за главного. За восемь лет он ни разу меня не подвёл. Хороший парень.

Пока я протискивался сквозь мужчин, столпившихся у стеклянных витрин, узнал среди них Алексея. Он часто приходит, но никогда ничего не покупает: только смотрит, расспрашивает. Мне нравится вести с ним беседы, но сегодня он казался угрюмым, и я не стал к нему подходить.

За кассой стоял Костя. Высокий, улыбчивый. Со стянутыми в хвост русыми волосами, какими-то мелкими коричневыми камнями на шее и в рубашке мятного цвета с закатанными рукавами, чтобы было видно его татуированные предплечья. Он поздоровался и протянул мне руку. Несмотря на свои двадцать семь, рукопожатие у Кости крепкое.

– Амир здесь?

– В подсобке.

Амир внешне – полная противоположность Кости. Ниже меня на полголовы, худощавый, с чёрными густыми волосами, спадающими длинной чёлкой на глаза. Он откидывал её резким движением головы.

Амир жал руку так, будто забирал своё. Настойчиво, сильно, чуть подавшись вперёд. Если Костино рукопожатие ощущалось как уважительный ответ, то Амир своим этого уважения требовал.

Когда я был примерно в их возрасте, в нашей компании рукопожатие многое значило. Оно говорило о тебе всё. Меня забавляли те мальчишки, которые устраивали из этого какое-то соревнование. Кто сильнее сожмёт руку. Первый день решили начать отжиматься, а теперь возомнили себя качками и пытаются доказать всем, что что-то из себя представляют. Смешные. С тех пор я всегда обращаю внимание на это, сразу делаю выводы о человеке. Я и этих двоих на работу взял исключительно по тому, как они пожали мне руку при первой встрече.

– Много посетителей сегодня. Это же хорошо, – сказал я, наполовину вопросительно.

Амир молча качнул головой и развернул ко мне экран монитора. На нём были какие-то графики. Я ничего не понимал, но взялся за подбородок и стал задумчиво разглядывать картинку. Не по статусу спрашивать, что это.

Амир ткнул пальцем в левый верхний угол экрана.

– Это – общая прибыль на конец 2010 года. А это, – он переместил палец по диагонали вниз, – конец прошлого года.

Ладно, я не дурак. Дальнейших объяснений не требовалось.

– Наконец настали спокойные времена, и людям больше не нужно оружие? – я попытался разрядить обстановку. Амир не отреагировал.

– Я предлагаю убрать витрины из маленького зала, нам не по карману арендовать такую площадь.

Я согласно кивал. Как же я не люблю со всем этим разбираться! Без Яны дела идут сложнее. Что бы я делал без моего драгоценного Амира?

Представить не могу, сколько сил вложила моя жена, чтобы это колёсико закрутилось. В ней было столько решимости, что мне иногда становилось не по себе: всё-таки в нашей семье мужчина я. И путь через тернии прокладывать мне. Но всё, что я делал – старался от неё не отставать.

Наверное, Янино упорство подстёгивалось той же дырой в душе, из-за которой меня совсем сбило с ног. Настолько по-разному мы отреагировали на одно и то же событие. Мне

хотелось просто лечь и умереть. А ей – посвятить себя новому детищу. И у неё, в отличие от меня, задуманное получилось.

– Это обязательно решать сегодня? Голова просто квадратная.

Амир молча развернул монитор обратно и стал перебирать какие-то бумажки. Какие-то! Стыдно признать, но я понятия не имею, что он там смотрит.

Чтобы показать своё участие, я схватил первую попавшуюся папку и стал вчитываться. Ни черта не понял. Оторвавшись от неё, я заметил, что Амир недоверчиво переводит взгляд с меня на папку и обратно. Я медленно положил её на место. И это владелец оружейного магазина. Позорище!

Не могу же я заехать на десять минут и просто уйти. Поэтому я вышел из подсобки, заложил руки за спину и с важностью гуся прошёлся по залу. Алексей заметил меня и поздоровался кивком. Я кивнул в ответ. Сегодня он рассматривал витрину с пневматическими пистолетами. Что странно, потому что обычно он интересовался охотничьими ружьями.

К витринам в маленьком зале почти никто не подходил. Да там и смотреть было не на что. Разноцветные перцовки и парочка шокеров. Девчачьи игрушки. Их отсутствие и впрямь никто не заметит.

А с другой стороны, уменьшение торговой площади звучит как начало конца. Передо мной со скрещенными руками на груди возник образ Яны, разочарованно качающей головой. Она просила сделать всё, чтоб магазин остался на плаву. Но вот прошло почти десять лет, и я понимаю, что не сдержал слово.

Я стыдливо опустил глаза и покрутил обручальное кольцо.

Многие говорили мне, что кольцо уже носить не нужно. Что его надо продать, отнести в ломбард или переплавить во что-то другое. Но если я его сниму, это будет означать, что я смирился с тем, что Яны больше нет. А с этим невозможно смириться.

Я не отпускал её. Все двадцать лет, что мы были вместе, мне приходилось её удерживать. И от этой привычки было сложно избавиться.

Последние тридцать лет я каждое утро наливаю в одну чашку кофе, в другую – чай. Ставлю их на стол друг напротив друга. Последние десять из них чашку с остывшим чаем я выливаю в раковину.

Раз в неделю я меняю постельное бельё, в том числе и наволочку на Яниной подушке. Каждый вечер перед сном я обязательно взбиваю обе подушки. Если я не повторю этот свой ритуал, я не смогу уснуть.

В моём стаканчике в ванной стоят две зубные щётки. Когда та, которой я не пользуюсь, засыхает, я покупаю новую – точно такую же.

Все эти мелочи создают атмосферу Яниного существования в стенах дома. Мне становится не так одиноко, когда я натыкаюсь на какие-то вещи, напоминающие о ней.

По этой же причине, снимая кольцо перед душем, потом я обязательно надеваю его обратно.

А если обручального кольца на мне не будет, незримое присутствие моей жены испарится.

Глава 3. Лёня

– Попадёшь с первого раза – с меня пиво.

Ярик протянул мне нож. Серебристого цвета, увесистый, не складной.

Ребята подбадривающе загалдели.

Я несколько раз видел, как Ярик кидает ножи в нарисованную на стене мишень. Он всегда попадал в центральный красный круг. На фоне смешавшихся голосов я пытался вспомнить, как он это делал. По-моему, как-то так брал за лезвие и подворачивал кисть. Или не подворачивал? Блин.

– Давай!

– Не ссы!

– В десяточку!

Я прицелился и замахнулся. Кто-то засвистел. Попасть в центр мало, надо ещё чтоб нож жёстко засел в деревяшке. Чем больше усилий придётся приложить, чтобы его вытащить, тем круче. Задержав дыхание, я швырнул нож со всей силы.

Маленький металлический засранец подставил меня. Он даже не прикоснулся лезвием к стене. Ударившись сантиметров за двадцать от мишени, нож отскочил в сторону. Глумливый ржач накрыл меня с головой.

– Косой!

– Лошара!

– Акела промахнулся!

Опустив глаза, я ушёл в конец толпы. Вовка хлопнул меня по спине.

– Бывает.

Меня бесит, что девчонки тоже заржали. Сами небось даже до стены бы не добросили!

Нож был один, его кидали по очереди. В мишень попадали не все. Но каждый раз лезвие застревало в досках. Где они все этому научились?! Надо будет пролезть сюда ночью, потренироваться. Осталось придумать, где надыбать такой нож.

К вечеру начало холодать. Брать с собой куртку или свитер у нас не принято. Как пришел днём, так и ходи. Нельзя замечать, что стало прохладно. Бытует мнение, что мёрзнут только девчонки и соплежуи. Я сделал вид, что у меня развязались шнурки. Спина – самая большая мышца в теле, если её разогреть, сразу станет теплее. Я несколько раз наклонился к кроссовкам. Вроде никто не заметил.

Сегодня в нашем сарае собралось восемь человек. Шесть пацанов, две девчонки. Из моей школы только Вовка. Девчонок я вообще впервые вижу. Не знаю, как их зовут. Со мной они не разговаривали.

Не, я их понимаю. Девчонки любят таких, как Ярик. А таких, как я, никто не любит. Они крутились вокруг него и хохотали. Ярик курил Парламент. Пил больше всех. Генерировал какие-то новые матерные слова прямо на ходу. Я каждый раз офигевал над их оригинальностью. Вот как он это делает?

Он всего на три года старше меня. Так почему он такой здоровый?!

Каждый раз, когда он попадал в цель, все восторженно визжали. Девчонки хлопали.

– Лёнчик-пончик, твоя очередь!

Чёрт! Ещё раз этого позора я не выдержу.

– Да не, я пойду покурю.

– Что такое, Лёнчик-пончик? Мама не разрешает играть с ножиком?

И снова волна ржача. Скоты.

Я сделал вид, что не заметил и вышел. Вовка вышел вслед за мной.

Мы молча покурили, и Вовка сказал, что собирается домой. Это мой шанс! Если я буду ещё и домой уходить первым, меня вообще загнобят. Попрощавшись со всеми, мы с Вовкой разошлись по домам.

Если честно, домой не хотелось. Но мне больше некуда пойти. Я остановился у своего подъезда и поднял глаза. В нашем окне на кухне горел свет. Значит мать дома. В соседней комнате света не было, но я разглядел мигание телевизора. Хреново. Значит отец тоже дома.

Я достал из кармана старые ядрёные духи, побрызгал ими шею и руки, закинул в рот три подушечки мятной жвачки. Теперь можно подниматься.

* * *

В нашей квартире две комнаты: родительская и моя. Гостиной у нас нет, потому что мы не очень гостеприимная семейка. Если кто-то и приходит, то сидит на кухне. Обычно с отцом. Обычно бухают. Мы с матерью прячемся по комнатам или уходим из дома.

Чтобы попасть в мою комнату, нужно пройти через родительскую. Я решил не испытывать судьбу и остался на кухне.

Пару раз мне доводилось ночевать на кухонном диванчике. Может и сегодня придётся.

Мать что-то готовила. Как всегда. Я её понимаю. Чтобы не делить одно пространство с отцом у неё только два варианта: готовить или убираться. От уборки устаёшь, а готовка – это просто. Нарезал продукты, закинул в кастрюлю и жди пока приготовится. Если кто-то пристаёт, встаёшь у плиты и мешаешь. Идеально же.

– Чё так долго? Я жрать хочу! – от голоса отца мы с матерью вздрогнули. Несмотря на своё крупное туловище, передвигался он бесшумно. На нём была грязная тельняшка и растянутые спортивные штаны. Когда он перевёл бешеный взгляд на меня, я напрягся.

– А ты где шлялся? Уроки сделал?

– У меня... к-каникулы.

– А чё сразу не сказал?

– Так... я на прошлой неделе говорил.

Отец отвесил мне подзатыльник.

– А ну не хаами!

Почему взрослые постоянно говорят эту фразу? Причём это всегда не к месту. «Вы не правы» – «Не хаами»; «Я не хочу» – «Не хаами»; «Мне кажется, должно быть по-другому» – «Не хаами». Просто универсальный ответ.

– Я правда говорил, мам, скажи!

– Говорил. Ты, Лёш, наверное, забыл просто.

– Вы чё, спелись?! – заорал он.

Отец схватил чайник с плиты и швырнул в нас. Мы с матерью отпрыгнули в разные стороны. Облитые кипятком обои мгновенно вздулись.

– Хотите сделать из меня идиота? Ни хрена у вас не выйдет!

Он достал из холодильника очередную бутылку пива и тяжёлой походкой ушёл обратно. Рухнув на кровать, он крикнул:

– Как будет готово, принесёте!

Я прошмыгнул к себе. Закрыл дверь и, казалось бы, должен расслабленно выдохнуть, но нет. В этом доме невозможно чувствовать себя в безопасности. Даже в отдельной комнате. Даже за закрытой дверью. Даже во сне.

Отец, конечно, никогда не был белым и пушистым, они с матерью постоянно собачились. Точнее не так. Он орал, брызгая слюной; скручивал, толкал, кидал в неё предметы. Мать хавала. Никогда не сопротивлялась, никогда не давала отпор. Все эти склоки происходили

у меня на глазах с самых первых дней жизни. Сознательно я этого не понимал – слишком маленький был. Но бесследно для меня это не прошло: как оказалось, подсознание помнит всё.

Парализующий страх от повышенного голоса у меня где-то под кожей, в крови. Я чувствую мгновенный выброс адреналина по всему телу, едва отец шевельнет ноздрями. Я только думаю об этом, а у меня уже волосы на руках встают дыбом.

Помню, читал в интернете, что мурашки это что-то вроде защитного механизма, как когда у ежей и дикобразов поднимаются иголки. Чтоб не трогали, не приближались. Жаль, что мои пушковые волоски далеки от ежовых колючек.

Мне всегда было интересно, есть ли у матери хоть какие-то защитные механизмы?

Но может они ей и не нужны. Отец никогда её не бил по-настоящему. Для этого у него был я.

После того, как он вернулся, мы с матерью стали жить в вечном ожидании взрыва. Большая часть этих осколков доставалась мне. Что-то прилетит в голову. Что-то по спине. Или по лицу. А может по самооценке и самоуважению. Это всегда сюрприз.

Оттого я ненавижу чёртовы сюрпризы.

Я включил компьютер и через режим инкогнито зашёл на сайт по сохранённой ссылке.

Глава 4. Вася

Кажется, с возрастом инстинкт самосохранения обостряется. Помню, раньше я мог бегать по крыше многоэтажки, играя в салочки с такими же отбитыми, как я. Хохоча и перебегающая через парапеты.

А сейчас мне пришлось себя уговаривать, чтобы подойти к краю.

Пока я стучал пятками по внешней стороне дома, солнце слегка припекало мне голову. Сидеть вот так было стрёмно, и я откинулся на локти. Покрытие впивалось точками в кожу. Если вы никогда не бывали на крыше, знайте, что тут такая же поверхность, как на современных детских площадках. Вот эти резиновые спрессованные кусочки. Долго так не просидишь.

Если попытаться разглядеть машинки и человечков, они такие малюсенькие. А я как будто такой большой. Я не удержался и процитировал вслух Маяковского:

«Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи
бредовой,
недужной...»

Я усмехнулся и не договорил. Ладно! Время идёт. Я достал из кармана шарик и перелил в него воду из бутылки. Отпустив его, я начал считать. На землю шарик плюхнулся спустя 3 секунды.

Нет, всё же мне хочется знать поточнее. И так, высота здания тридцать метров. Вес шарика – один килограмм. Какая там формула-то? Корень из высоты, делённой на вес? А, нет, сначала высоту умножаем на два. Несложные расчёты получаются. Тридцать умножаем на два и делим на один. Или всё же килограммы надо перевести в граммы? М-да, хорошо, что Елена Павловна не слышит этого позора.

Корень из шестидесяти равен 7,75. Что-то не сходится... Либо у меня сильно сбит внутренний метроном, либо я всё же напортачил с формулой. Не мог же я так сильно ошибиться.

Мои размышления прервал таджик в оранжевой безрукавке. Когда он появился в дверном проёме, я повернул на него голову, но не двинулся с места.

– Слышь, дура! Жить надоело?

А ты чё, мысли читать умеешь?

– Слезай, говорю!

Я не люблю конфликты. Окружающие почему-то думают, что я агрессивный и скандальный человек. Не знаю, так ли это, но мне всегда хочется оправдывать ожидания. Свои, чужие – неважно. И если от меня ждут взрыва, я его обязательно дам.

Сейчас ответной реакции от меня не ждали. В голосе этого дворника я услышал дрожь. Его напускное раздражение скрывало страх. Я знаю, что чувствуют люди, скрывающие страх, потому что я один из них. Мне не хотелось трепать нервы бедолаге. Я молча встал, отряхнулся и направился к чердачной дверке. Он бросил в меня ещё парочку гневных слов на своём языке, но на этот раз вместо дрожи звучало облегчение.

Только представьте, в каком дерьме приходится ковыряться каждый день этим несчастным. Всякая тухлятина, блевотина, гандоны, шприцы, трупы животных... Если бы ко всему этому добавился ещё и смертник, день однозначно считался бы неудачным.

Пока я спускался, в телефоне пиликнуло сообщение. Новый заказ.

Вене 11 лет и у него онкологическое заболевание. Он уже не ходит в школу, но раньше очень любил учиться. А ещё он любит такс и зелёный цвет. Сейчас Веня чувствует себя не очень хорошо. Просим помочь с доставкой противопролежневого матраса для Вени!

Забрать: Склад

Привезти: м. Юго-Западная

Посылка: противопролежневый матрас – 5кг

Дочитывал сообщение я уже в машине.

Я всегда стараюсь брать заказы по Москве. Совсем не хочется переться в какое-нибудь Домодедово, или Клин, или Электросталь... Но так рассуждаю не я один, поэтому подобные заказы разлетаются как горячие пирожки.

Подъезжая к территории хосписа, я по привычке заглянул в окна ближайшего корпуса. На фоне белой стены разноцветные окна кричали громче любой вывески: «Здесь живут дети». Из этих окон редко кто-то выглядывает, потому что, как правило, если пациенты способны вставать и ходить, их переводят домой. В нашем хосписе слишком мало места.

В окне второго этажа я увидел мальчика. Непонятно, на что он уставился: его глаза смотрели в разных направлениях. Рот был жутко разинут и, несмотря на закрытое окно, я понял, что он воет. Держа перед собой руки, он криво и судорожно шевелил пальцами. Очень неприятное зрелище.

Интересно, что у него? Какая-то тяжёлая форма ДЦП? За годы работы здесь я так и не научился определять диагнозы. Иногда мне кажется, что с каждым новым ребёнком появляется какой-то новый диагноз. Абсолютно невыговариваемый, из нескольких слов. Это всё просто невозможно запомнить.

Перед складом народу было полно. На этой неделе какой-то ажиотаж со срочными заказами. Сквозь суматоху ко мне протиснулся координатор семей.

– Вась! Ты же на Юго-Западную едешь? Возьми ещё две доставки, там рядом.

– Без проблем. Скажи ребятам, чтоб грузили. И адреса скинь.

Он показал два больших пальца и убежал.

По идее я должен либо грузить всё сам, либо стоять рядом и сверять всё по списку. Но, если честно, мне лень. Я один из тех, кто доверяет людям. Я уверен, что координатор лучше разбирается в своих списках, менеджер склада лучше знает свою систему хранения, ребята-грузчики аккуратнее погрузят все коробки. Зачем делать их работу за них?

Я оставил машину и решил прогуляться по территории. Стены корпусов и внутренняя часть каменного забора были расписаны на морскую тематику. Я много раз видел эти рисунки, но каждый раз рассматривал как в первый. Кто всё это придумал? Кто решил нарисовать именно этот корабль, этого осьминога, этих попугаев? И всё-таки такое творчество непременно радует глаз. Другой вопрос в том, понимают ли значение этих рисунков постояльцы.

На ступеньках перинатального корпуса сидел Тео и курил. Видимо, в его машину тоже грузят много коробок.

Я подсел к нему с той стороны, в которую дует ветер. Вообще я вроде как бросил, но сидеть рядом-то не запрещено. Несколько секунд я молча вдыхал дым.

– Чё, тоже впалду стоять у них над душой? – спросил он.

– Я им доверяю, – отмахнулся я.

– Зря, у меня на прошлой неделе был скандал. Не все позиции положили. А везти в Коломну...

– И ты не собираешься учиться на своих ошибках? – вставил я.

– Не-а.

Мы ещё помолчали.

У нас обоих звякнуло сообщение в общем чате.

Нужна помощь в доставке Никиты с мамой в стационар на консультацию к специалистам. Семья живёт в Шатуре, куда практически невозможно вызвать такси до Москвы: оно либо не приезжает к определённому времени, либо не приезжает вообще. Никите очень нужно быть завтра в стационаре в 10:45! Ждём отклика!

Такие заказы бывают редко. В основном мы развозим оборудование, питание, расходники. Я мысленно подсчитал, сколько ехать до Шатуры.

– Не бери, – сказал Тео, не глядя в мою сторону.

– Почему?

Тео вздохнул, разглядывая тлеющую сигарету. Я интуитивно понял, что дальше прозвучит невесёлая история.

– Как-то я взялся везти одного парнишку лет восьми. Ему нужно было устанавливать трахеостому. Или что-то вроде того, я точно не помню. На середине пути у него начался приступ. Я видел в зеркале заднего вида его задыхающееся лицо и суматоху рядом сидящей матери. Остановился прямо в полосе, побежал его вытаскивать, попутно звоня в скорую. А его мать, рыдая, завизжала, чтоб я его не трогал и никуда не звонил. У неё был отказ от реанимации. Я закрыл дверь и остался стоять перед машиной, пока парень заходился в судорогах.

Я молчал, потому что не хотел слышать продолжения. Надеялся, что, если я не проявлю признаков интереса, он больше не заговорит. Тео выдохнул струю дыма.

– Он у меня на заднем сиденье умер.

Ну вот. Он сказал это...

– Хорошо хоть в детском кресле был, так бы всю машину мне обгадил.

Я пытался выкинуть из головы нарисованную им картину. Не получалось.

Я мыслю образами. Точнее, картинками. Это, знаете, как стоп-кадры на киноплёнке. Когда я слышу какой-то рассказ, у меня перед глазами как будто вспышками мигают фотографии. Немного, штуки три-четыре. Но их хватает, чтобы переместиться в чужую шкуру.

На первой такой вспышке я увидел пустую трассу и машину в левой полосе, стоящую на аварийке.

На второй – кусочек зеркала, в котором отражается кусочек напряжённого детского лица.

На третьей – свои руки, тянущиеся к детскому креслу, и ещё одни, отпихивающие мои.

На последней фотографии я стоял перед закрытой пассажирской дверью и смотрел через окно на рыдающую и обнимающую мёртвого сына женщину.

Я начал мысленно бормотать успокаивающие слова, чтобы остановить нахлынувшие слёзы. И сдерживать приступ тошноты.

– Я тогда ещё долго уснуть не мог. А уж тебе такое точно лучше не видеть. Недавно смотрел фильм, там прозвучала как раз подходящая к случаю фраза. «Для некоторых жизнь подобна лестнице из курятника: короткая и дерьмовая». Сложно представить, в каком кошмаре живут родители этих детей годами. У них у всех отказы от реанимации. Поэтому такие заказы не бери, от греха подальше.

К нам подошёл координатор и раздал документы на товары. Тео встал.

– Слушай, – обратился к нему координатор, – не хочешь до Вернадского прокатиться? Сейчас ещё заказ пришёл.

– Так я в ту сторону еду, – прервал я его, – или у меня уже места нет?

– Там кислородный концентратор.

– А, блин.

Эта штукавина весит килограммов двадцать. Девчонкам такие заказы не дают. Тео опустил голову.

– Ну грузите, чё, – сказал он, забирая бумажки. – Адрес скинь!
Мы попрощались, и я поехал по своим адресам.

Всю дорогу я думал над словами Тео. Одно дело видеть этих детей мельком, в окне или в коридоре, а другое – постоянно находиться рядом. Большинство из них в таком состоянии, что нельзя отлучиться ни на минуту. Кормить с ложки, мыть, менять подгузники и постельное бельё, чистить стомы, контролировать системы жизнеобеспечения, уметь в них разбираться. Таскать взрослого ребёнка на руках. Ежечасно проверять, дышит ли. Постоянно быть готовыми к смерти. Ждать её.

И так годами.

Насколько мне известно, численность пациентов в нашем хосписе колеблется от восьмисот до тысячи. Каждый месяц нам сообщают примерно о десяти смертях. Главное правило – не сближаться с родителями. Для нас это работа, и она должна оставаться только работой.

Такие родители – а в основном это матери-одиночки – стареют быстрее, чем должны. Иногда даже кажется, будто это не матери, а бабушки. Те, что имеют мужей и других здоровых детей, выглядят чуточку лучше. Когда я иду по улицам и вижу не по годам старых женщин, всегда представляю, что дома их ждёт какое-то больное умирающее существо.

По первому адресу, к моему удивлению, дверь открыл молодой человек.

«Такой молодой и симпатичный, а уже связан больным ребёнком» – моя дежурная мысль в такие моменты.

– Здравствуйте, – сказала я, протягивая ему коробку и документы, – мне нужна Ваша подпись...

– Мам! – крикнул он в глубину квартиры, – Это, наверное, к тебе.

Мам? Сколько ж ему лет?

В коридор вышла бодрая, хоть и немолодая женщина. У неё была стильная короткая стрижка и шикарный свежий маникюр. Подписывая акты, она щебетала без остановки:

– А я что-то вся забегалась! То младшего покорми, то старшему помоги, то мужа развлеки. Сами понимаете, с тремя мужчинами в доме ни минуты покоя!

Она заливисто захохотала. Какая счастливая женщина.

Я улыбалась, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– На улице жара невыносимая. Пойдёмте я Вас чаем угощу. С мятой. Освежа-ае-ет, – заманчиво протянула она.

Конечно мне очень хотелось задержаться в этой наполненной счастьем обстановке. Попить мятный чай. Посидеть в компании её привлекательного старшего сына и – я уверена – не менее привлекательного мужа. Но нельзя.

– Меня ещё в двух местах ждут.

– Понимаю.

Заходя в лифт, я бросила грустный взгляд на дверь этой счастливой семьи.

* * *

Как-то я привозил заказ одной девушке. Её дочке всего годик, у неё был диагноз – короткая кишка. Когда я изучал её историю болезни, оказалось, что изначально от малышки отказались, и первые полгода жизни она провела в больнице. Потом её удочерила та, к которой я ехал.

Меня немного удивило это. Почему женщины, помимо того, что тащат своих детей в одиночку, готовы ещё и чужой крест на себя взвалить, в то время как многие мужчины, узнав о ребёнке с диагнозом, через какое-то время сваливают в закат?

Один этот факт расположил меня к Мире. А когда мы встретились лично, её доброта и светлая энергия и вовсе заставили меня забыть о нашем главном правиле.

В её маленькой квартирке стоял кавардак. Но он не выглядел как гадюшник. Осмотревшись, я заметил раскиданные вещи, остатки еды на кухонном столе, какие-то игрушки. Дверь в ванную открыта нараспашку, и можно было разглядеть стиралку, набитую одеждой настолько, что часть она уже просто вылёвывала на пол. Но вся эта картина создавала какой-то уют. Тёплый дом, живой, нестерильный, потому что в нём живёт любимый ребёнок.

Разобравшись с бумажками и расходниками, Мира, улыбаясь, предложила мне чай. А я согласился, хотя нельзя было.

В моей компании девчонок почти нет. Как-то изначально так повелось. А тогда, сидя на той кухне, мне вдруг так захотелось дружить с этой Мирой! На вид Мира была моей ровесницей. Она уложила малышку спать в комнате, и мы два часа проболтали за чаем ни о чём.

В дальнейшем я стал брать все её заказы, ставил их на выходные, приезжал вечером и мы продолжали болтать с того места, на котором остановились в прошлый раз. Даже если этот прошлый раз был месяц назад.

Где-то через год малышка Миры умерла. А с ней умерла и наша дружба.

С тех пор я никогда не соглашаюсь пить чай.

* * *

Со вторым адресом возникли проблемы. Я перечитал сообщение несколько раз. Подъезд не указан, только номер квартиры. Задрав голову, я попытался прикинуть, как можно её вычислить. Считать по окнам – тупая затея. Да и с какого конца?

Я позвонил координатору с этой претензией.

– Ну у нас только квартира указана. Может там один подъезд?

Я наклонил голову, чтобы увидеть, где этот дом заканчивается. Дом уходил в бесконечную даль.

– Нет. Он тут не один.

– Ладно, я тебе скину номер мамы. Попробуй дозвониться, а я пока у других поспрашиваю.

Естественно, трубку не брали. Я позвонил раз десять в ватсапе, и ещё десять по сотовой связи. Без толку.

Примерно прикинув, что нужная квартира в одном из двух подъездов, я набрал её номер на домофонах. Со второй попытки я попал в цель. Дверь сразу открыли.

Поднимаясь на лифте, я успокаивал себя. Мало ли что могло случиться. Может, надо готовить себя к какому-то страшному зрелищу?

Дверь открыла женщина лет сорока, в фартуке, с лопаткой в руках.

– Простите ради бога, я на кухне была, а телефон на беззвучный поставила. Она у меня не любит, когда звонят, – кивнула она через плечо.

– Я уж подумала, что вас дома нет.

– Да что вы, куда я с лежачей-то?

Из комнаты донеслось младенческое агуканье взрослым низким голосом. Неразборчивое бормотание полу криком, полу стоном, полу рёвом. Господи.

– Сейчас подойду, котёнок, – крикнула женщина в ответ. – Нервничает, когда кто-то приходит, – пояснила она мне.

У меня по рукам пробежали мурашки.

Как только я сел в машину, всплыло две картинки.

На первой – женщина, с которой я только что попрощался, приложившая сцепленные в замок руки к щеке. Что-то сюсюкающая, с умиляющим взглядом.

На второй – разворошённая постель с лежащей в ней девочкой-подростком. С вытянутым перекошенным лицом, выпученными глазами, худющими скрюченными руками и с заваленной внутрь отвисшей челюстью.

Я заморгал, чтобы побыстрее от них избавиться.

Добравшись до последней на сегодня точки, я посмотрел на заднее сиденье. Там лежали две коробки, обмотанные скотчем. Из того же скотча сделаны ручки.

Это конечно классно, только нужна ещё одна рука, чтоб закрыть машину, набрать домофон, открыть дверь...

Я прочитал описание семьи. Мать-одиночка. Чёрт. Придётся как-то переть самому.

Коробки оказались ещё и тяжёлыми. Пока я тащил их, матерясь и обливаясь потом, я в очередной раз пожалел, что не родился мужиком.

Вообще я думаю, мне бы пошло. Во мне много мужских качеств. Иногда я даже говорю о себе в мужском лице. Когда никто не слышит, разумеется. Единственный минус в том, что тогда пришлось бы связывать свою жизнь с женщинами. Или становиться геем. Ни то ни другое меня как-то не вдохновляет. Но хоть сил было бы побольше!

В квартире никакого тепла не было. На пороге стояла высокая худошавая женщина, в строгих очках и со стянутыми в тугий хвост волосами. Она говорила коротко и холодно. От неё веяло усталостью.

– Вот это вас нагрузили, – безучастно произнесла она.

– Да они не тяжёлые, – отмахнулся я и протянул ей сначала коробку полегче.

Стояла какая-то могильная тишина. Ни телевизора на фоне, ни кипения на кухне, ни звука от ребёнка. Мне стало не по себе.

– Всего доброго, – отчеканила женщина. Что я услышал как: «Проваливай».

Какая поразительная всё-таки разница между семьями, в которых есть неизлечимо больной ребёнок.

* * *

Домой я возвращался, когда уже начало темнеть.

У подъезда стояли двое мужчин в полицейской форме. Один из них говорил по телефону и безуспешно тыкал на кнопки домофона.

Увидев, что я подхожу, говорящий по телефону сказал в трубку:

– Сейчас мы девочку попросим.

Когда я слышу подобные вещи, моя женская сущность заглушает всё остальное сознание и превращает меня в милую куколку.

– Давайте я вас впущу, – проворковала она.

– Давайте.

Мы втроём вошли в маленький лифт и встали под разными углами, чтобы хоть как-то сохранить личное пространство каждого. Когда я чувствую мужскую энергетику так близко, я не могу молчать.

– Как будто еду с личными телохранителями. Чувствую себя в безопасности.

Мужчины засуетились, выпрямились и расправили плечи. Как легко ими манипулировать.

Выйдя на своём этаже, я улыбнулась им и бросила:

– Спокойного вечера.

Они что-то пробубнили в ответ, но было уже не слышно.

«Ненавижу ментов», – подумал я, как только двери лифта закрылись.

Глава 5. Саша

В оружейке редко бывало что-то радостное. Каждый день я видел малоприятных людей: тревожных, надменных, дёрганных. Охотников, рассказывающих о том, как они размозжили голову оленёнку с расстояния двадцати метров, я вообще на дух не переносил. А теперь ещё и финансовые проблемы на горизонте замаячили.

Я прошёл вдоль прилавка с шокерами, погладил стеклянную поверхность, будто это ласкучая собака. На ладони остался слой пыли. Я подошёл к Косте.

– Вы там не протираете? – кивнул я в сторону маленького зала.

Костя отвлёкся от покупателя, перебирая средства для чистки оружия, и стал раскладывать баночки под стеклом рядом с собой.

– Побойтесь бога, Алексан Николаич, – ответил он. – Мы в то крыло, бывает, и неделями не заходим.

Вероятно, отсутствие этой части магазина не заметят не только покупатели, но и продавцы.

На стеклянной поверхности остался чистый след от моей руки.

Глупо, но я вернулся на склад за тряпкой, намочил половину её под холодной струёй воды, вторую половину оставил сухой. Подошёл к пыльным витринам и стал методично протирать их сначала мокрой стороной тряпки, затем сухой, чтобы не осталось разводов.

За всё это время никто из толпы посетителей сюда даже не заглянул.

Если мы откажемся от этой площади, разместить стеллажи в основном зале будет негде. Это значит, что придётся всё это убрать на склад по коробкам и оставить напоминание о них только в каталоге и на сайте. Не наваливать же всё в одну кучу: шокеры, ружья, ножи, прицелы, глушители, перцовки, топоры. Некоторые посетители – я знаю – приходят просто поглазеть. А на свалку из всего подряд смотреть не приятно. По крайней мере – мне.

Я шагал по маленькому залу, будто прощаясь. До чего же сентиментальным я стал с годами!

Хорошего настроения как не бывало. Может, выпить? Я попрощался с Амиром, Костей, мысленно – с Алексеем, сел в машину и двинул в сторону парковки, от которой можно дойти пешком до БК.

Подходя к букмекерке, я был полностью погружён в свои мысли и не слышал ни звука извне. Когда я поднимался по покрытым ковролином ступеньками, почувствовал запах пива, кожаных кресел и каких-то ароматизаторов. Оказавшись в зале, я поздоровался с охранником и остановился, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте. Из освещения тут были только красные светодиодные ленты, пущенные вдоль стен и обрамляющие препятствия в виде высоких подставок с искусственными растениями. С правой стороны находилась барная стойка, а в противоположном конце от входа – стойка с администратором. Эти рабочие места освещались небольшими светодиодными лентами белого цвета. На каждой стене висело по два-три больших телевизора. На всех экранах показывали разные матчи. Сам зал рядами заставлен повернутыми к экранам столиками с монитором и картридером для входа в личный кабинет.

Ещё лет десять назад такой роскоши не было: вся нагрузка ложилась на администратора, который принимал каждую ставку и после каждого матча делал расчёт. А сейчас администратор нужен только для того, чтобы пополнить местную карту; ставки делаешь сам, если хочешь. С тех пор, как появилась возможность управлять этим самостоятельно, посетителей стало в разы больше.

Я пригляделся к присутствующим гостям и заметил знакомые лица. Такое уютное чувство. Пересёк зал и поздоровался с Лизой через стойку.

– Здравствуйте, Александр Николаевич, рада вас видеть, – улыбнулась она мне.

– Что сейчас идёт в лайве?

– Бундеслига, КХЛ Плей-офф... Ну и киберспорт. Могу на большой экран вывести список.

– Не надо, не надо. Поставь пока на ЦСКА – Динамо, тотал больше пяти с половиной, – сказал я, шлёпнув на стойку пятитысячную купюру и красную карточку, – и, если можно, попроси Серёжу две бутылочки «Стеллы».

Она учтиво кивнула.

Я обошёл всех знакомых – а их было немало, так как клуб наш, в отличие от многих других, располагающихся прямо у выходов из метро, находится в глубоких дворах – пожал им руку и сел за пустой столик между Витей и Джангаром. Новые посетители редко появлялись тут, за это я и выбрал именно это место. Мне нравилось чувство родства, которое получается за счёт того, что видишь одних и тех же людей. В других клубах из-за большой текучки создаётся ощущение «проходного двора». Как-то некомфортно.

Лиза поставила передо мной две открытые бутылки пива.

– А можно тебя попросить на этот телевизор вывести мой матч? – сказал я ей, ткнув пальцем в экран напротив меня.

– Конечно, – она улыбнулась и щёлкнула пультом.

Лиза мне нравилась. Она была немногословна, но улыбчива. Не знаю, со всеми ли, но со мной всегда. Вообще тут принято забирать заказы на баре, но Лиза не настаивала на этом, говорила, что ей не сложно самой принести. Бармен не мог покидать своё рабочее место, но администратору полагалось ходить по залу и общаться с гостями.

Я положил свою карточку на картридер и стал изучать таблицы с цифрами, периодически поднимая глаза на экран.

С разных экранов раздавались звуки, соответствующие изображению. Если смотреть на монитор перед собой с ежесекундно меняющимися коэффициентами, то весь звуковой фон в зале становится белым шумом. Но если ты сделал ставку и поднял глаза на выбранный матч, ты будешь слышать только то, что происходит именно там.

Экран с футболом озвучивался эмоциональным комментатором. На экране с хоккеем разгоралась очередная драка, сопровождающаяся возгласами с трибун. Несколько мужчин усталились на женскую партию в большом теннисе. Оттуда на каждом ударе ракеткой по мячу доносились провокационные полу сексуальные визги. Иногда у меня складывается впечатление, что их специально тренируют так взвизгивать, иначе никто бы вообще не смотрел женский большой теннис.

Когда в моё поле зрения попал телевизор с какой-то онлайн игрой, у меня зарябило в глазах. Я даже не понимаю, что там происходит. Туда-сюда мельтешат какие-то гуманоиды, что-то мигает и взрывается. Неужели у других людей не начинает болеть голова от таких ярких кислотных цветов? Или это я уже настолько старый?..

Я чересчур сконцентрировался на внешних звуках и теперь слышал всё. За моей спиной Серёжа потянул пивной рычаг, наполняя бокал. Лиза в сотый раз объясняет кому-то, что при каждом пополнении карты нужно предъявлять паспорт, потому что здесь стоят камеры и её могут оштрафовать. Охранник на ломаном русском пытался договориться с другим дагестанцем шуметь потише. «По-братски, брат».

Где-то слева от меня кто-то прошипел «Есс». За соседним столиком Витя шандарахнул мышкой об стол.

– Козлина кривоногая! С кем ты переспал, чтоб тебя в команду взяли?! Наберут по объявлению... Не, ты видел это? – повернулся он ко мне.

Я не видел, на что он ставил, но на его мониторе отобразился проигрыш – двадцать шесть тысяч улетели в помойку.

– Сегодня не твой день.

– Хрена с два!

Он достал бумажник, взял красную карточку и зашагал к Лизе.

Одновременно с Витей к стойке подскочил другой мужчина.

– Привет, Лизок! На коней какой кэф?

– Здравствуйте! На победу ЦСКА коэффициент один и восемь.

– Мм. Тогда на свиней закинь трёху. И косарь на второй тайм – тотал больше полтора.

Он протянул ей карточку и оранжевую купюру. Нервно постучал костяшками по стойке, оглядываясь на зал. Я встретился с ним взглядом. Мы друг другу приветственно кивнули.

– На бомжей кто-нибудь ставил? – снова повернулся он к Лизе.

– Это конфиденциальная информация, – улыбнулась она в ответ.

Про себя я усмехнулся: почему я понял всё, что он только что сказал?

Чем мне нравится это место, так это тем, что здесь много разных звуков. Начинаешь прислушиваться ко всему и перестаёшь слышать себя.

А знаете, что я услышал, когда вернулся домой? Тишину. Такая, наверное, только в гробу бывает. И то, там хотя бы шебуршание червей слышно.

Сквозь тишину пробивалось тиканье часов. В букмекерских конторах часов нет – ни настенных, ни на экранах мониторов – это принцип всех игорных заведений.

Сидя в зале БК, ощущаешь активное бурление жизни. Десятки экранов передают десятки матчей, происходящих в данную минуту на разных концах земли, одновременно. И ты находишься вместе с ними, везде, стоит только перебрасывать взгляд с одного экрана на другой. В такие моменты и время уже теряет смысл. Вот почему его нет в подобных местах.

А когда возвращаешься домой, тебя ждёт только тишина.

И проклятые часы.

Я заварил себе кофе. Яна всегда ругала меня за то, что я пью кофе перед сном. Но он уже давно не действует на меня бодрящим образом. Даже наоборот, больше в сон клонит. Я пью его, потому что мне нравится вкус.

Яна следила за моим здоровьем: часто ругалась, что ем много сладкого, мало овощей. Как будто лучше всех знала, как жить. Может и знала. Может надо было и прислушиваться. Иногда мне не хватает этих придинок, и чтобы кто-то обо мне так заботился.

Я стал скучать по этому только когда остался без неё.

На кухонном столе лежали какие-то крошки. Откуда они постоянно берутся? Пока я шёл за тряпкой, в глаза бросились пыльные полки. А ведь я их только утром протирал. Не понимаю, почему раньше, когда в моём доме жили дети, пыли и грязи было меньше. Я протёр всё влажной тряпкой. А потом ещё раз – сухой. И всё равно остался недоволен.

В моей квартире слишком много воспоминаний. Слишком долго я в ней живу.

Иногда в разных её частях сами собой возникают какие-то кадры из прошлого. Сейчас, стоя с чашкой в руках в центре квартиры, я вижу, как в коридоре маленькие Люба и Анфиса – им тогда было лет пять или шесть – дерутся за красный самокат. Их мама – моя первая жена – считала, что нужно покупать им всё одинаковое, я считал иначе и купил самокаты разного цвета. Это было ошибкой, каких за годы отцовства я совершил ещё ни один десяток.

Вообще, если вести учёт ошибок, совершённых в воспитании детей, можно переплюнуть Толстого по количеству исписанных страниц. За тридцать лет я так и не понял, почему одна из моих дочерей-близняшек более-менее поддерживает со мной связь, а вторая просто вычеркнула меня из жизни. В какой момент что-то пошло не так?

Из-за того, что жили они с мамой, мне редко доводилось их видеть. Но даже при таком раскладе я замечал разницу в характерах. Для меня это всегда было загадкой.

Они быстро росли. При каждой нашей новой встрече они так сильно менялись и с каждым разом всё больше и больше отличались друг от друга. Примерно в школьном возрасте я

перестал их путать, но мне постоянно приходилось привыкать к новым девочкам. Я не узнавал в них тех, предыдущих.

Первым отрезвляющим ударом стал момент, когда в их улыбках вместо молочных зубов появились коренные. Вот эти передние, с которыми детское лицо резко превращается во взрослое. Мне было интересно, видят ли они меня таким же или я тоже для них каждый раз новый?

В их взрослении не было плавного перехода: я видел это только скачками. Для меня наше общение становилось на паузу, когда мы прощались, а потом просто – бац! – и они уже другие. В моей жизни год-два ничего не значат. А у них за это время могло измениться всё.

Я боялся, что однажды они меня не узнают.

Боялся, что не узнаю их сам.

Я не знал, можно ли шутить старые шутки; помнят ли они что-то обо мне; сколько я пропустил в их жизни за последний месяц? Или за два-три: всегда получалось по-разному.

Я не знал, о чём с ними говорить. Просто потому что их жизнь менялась так стремительно. Я вообще не успевал.

«Анфиса, ты всё ещё ходишь на гимнастику?»

«Не, пап, мне уже давно не нравится. Я хожу на танцы»

«Любаш, ты собрала коллекцию тех наклеек?»

«Ты чё, па, этим уже никто не занимается. Это отстой»

«А как у тебя с тем мальчиком?»

«Эм... С каким?»

Про которого ты рассказывала полтора года назад...

В один прекрасный день я увидел их в коротких юбках и с накрашенными глазами. И во мне всё рухнуло. Потому что они больше не дети, а я всё пропустил. Теперь я вообще сомневаюсь, были ли они когда-то детьми.

Образ взрослых девочек не вязался с моей квартирой – они в ней никогда не бывали. Последний раз, наверное, лет в семнадцать. Любу с тех пор я больше не видел. С Анфисой иногда пересекался, что называется, «на нейтральной территории».

Честно говоря, мне сложно представить лицо Любы сейчас, когда ей чуть за тридцать. Хотя, казалось бы, просто представь Анфису с короткой стрижкой. Но нет. Всё-таки для меня они слишком разные.

Я огляделся вокруг и вытащил из воспоминаний ещё пару старых карточек.

Кадры с мамой девочек всплывают редко: так мало я помню о её жизни здесь.

Зато силуэт Яны постоянно мелькает то в одной комнате, то в другой.

Как-то раз, ещё до того, как открыть входную дверь, я услышал жужжание фена. Меня это удивило, потому что Яна им никогда не пользовалась; я даже не знал, что он у нас есть.

Когда я вошёл, увиденная картина удивила меня ещё больше. Яна сидела на полу, скрестив ноги, лицом к батарее, на которой лежала моя подушка. Сверху она сушила её феном.

– Я боюсь спрашивать, что произошло, – улыбка медленно поползла по моему лицу.

Яна повернулась ко мне с распухшими заплаканными глазами, продолжая хаотично водить феном по подушке.

– Я хотела её постирать, но дурацкая машинка почему-то не смогла её отжать. И я тоже не смогла. Теперь тебе придётся спать на мокрой.

Её слова перемешивались с такими горькими всхлипами, будто мы кого-то хороним! Ну и как, скажите на милость, её не любить?

С Яной странные картины часто ожидали меня по возвращении домой. Переставленная мебель, коробки с подобранными покалеченными голубями, баррикады из книг с перелетающими через них бумажными боеприпасами, наклеенные на стену куски теста, шалаш в коридоре с разукрашенными жильцами внутри, нарисованные мелом на полу островки, по которым

можно передвигаться, чтобы не попасть в лаву. Это мой-то тёмно-каштановый дубовый паркет – лава?!

А однажды, войдя в квартиру, я застал Яну, сидящую на подоконнике ногами наружу с маленьким Ванькой на руках. Кажется, это был первый раз, когда его жизнь находилась под угрозой.

Когда я пытался выяснить причину этой странной ситуации, она говорила, что не помнит этого. Никогда не понимал, что у неё в голове.

Я постоянно ворчал, что хочу спокойствия. Но я лукавил: этот хаос придавал мне стойкое ощущение, что я живу. Бардак в доме меня не раздражал. Наоборот создавал какой-то уют. Но сейчас, если я вижу крошки на полу, пыль в воздухе, капли воды на поверхностях, у меня руки сводит судорогой, пока не уберу. Не припомню, чтобы я вообще убирался, когда со мной жила моя семья.

Несмотря на резко возросшую любовь к чистоте, одна из моих комнат захламлена до предела. Когда Ваня выросал, Яна собирала его вещи и относила в пункт сбора для нуждающихся. Да и наши старые вещи относила. Она приучила меня ничего не выбрасывать. И я до сих пор складировал ненужные вещи, чтобы потом их сдать. А ведь я даже не знаю, где эти пункты находятся!

Обойдя комнату, я сел на кресло рядом с вещами, которые остались от Яны. Я вытащил из аккуратно сложенной небольшой стопочки синюю футболку, в которой она спала, смял её и ушёл к себе в спальню.

Держа этот комочек в руке, я лёг на кровать. Прижал его к лицу, вдыхал его запах. Конечно, за столько лет, весь запах из ткани выветрился. Но мозг каждый раз подыгрывал моему воображению, и я чувствовал от этой футболки смесь аромата её духов, тела, масла для волос – всего того, что я считал родным и даже с закрытыми глазами понимал, что я дома.

На неразобранной кровати я уснул прямо в одежде.

– Можешь меня обнять? – спрашивал я шёпотом, чтобы не разбудить её.

И она прижималась ко мне без лишних слов, в полусне. Как будто не услышала, а почувствовала этот вопрос. Я обожал в ней эту черту. Этот жест был для неё чем-то священным, выше любой обиды.

А я так не мог. Гордость не позволяла.

И сейчас мне остаётся только представлять, что всё это происходит наяву.

* * *

Обычно я завтракаю под бубнёж телевизора. Ну как завтракаю – пью кофе. В новостях, как обычно, какой-то экшен. Под Тулой накрыли цыганский табор. На экране появились кадры сноса незаконно построенных домов; омоновцы в полном снаряжении, сдерживающие женщин, одетых в разноцветные тряпки и выкрикивающих проклятия. Ох уж эти цыгане. Газ, воду, электричество провели нелегально, пользовались за счёт соседей по посёлку.

Я негодуяще качаю головой, плююсь, когда показывают лица цыганок, проклинающих семьи полицейских. Но всё равно смотрю: люблю быть в курсе происходящего. Кто владеет информацией, тот владеет миром.

Под звяканье металлической ложки об стенку чашки я пялился в экран. Внутри узоров чайной ложки скопилась ничем не выводимая грязь. На чашке – два пожелтевших скола. Свободной рукой я ковырял кожаный лоскут на поверхности потрескавшегося дивана. Подо мной старая обивка уже растянута и, когда я встаю, на ней остаётся неровный круг, указывающий на моё излюбленное место.

Вообще-то я могу себе позволить купить новый диван и новую посуду. Но я не хочу. Эту чашку Анфиса и Люба подарили мне на день рождения. На ней моя кривая выцветшая

фотография. Столовые приборы принёс на нашу с Яной свадьбу кто-то из гостей. На этом диване Ванька впервые сказал слово «папа».

Нынешняя молодёжь считает, что старьё нужно выбрасывать. Но у воспоминаний нет срока годности. Тем более, если кроме них ничего не осталось.

Моя первая жена жила своей жизнью, она во мне не нуждалась. Но когда родились мои дочки, я держал их по одной в каждой руке, и эта сбалансированная тяжесть придавала мне веса. Даже нет, она придавала мне смысл.

Когда в моей жизни появились Яна и Ванька, я без раздумья навесил их себе на грудь и спину. Со всей этой конструкцией я ощущал себя остовом для чего-то важного.

Постепенно кусочки этого строения стали откалываться. И мой вес – моя значимость – становился всё меньше. Каждая потеря оставляет в душе по новой огромной дыре. В какой-то момент этих дыр становится так много, что кроме них больше ничего нет. Пустота.

Сейчас без всех них мне живётся легко. Слишком легко.

Ответственность за детей и любимую женщину лежала на мне приятной тяжестью, словно бабушкино ватное одеяло. Я никому не говорил, но мне нравилось это давление: так лучше спалось.

А последние несколько лет я вообще почти не сплю.

Глава 6. Вася

Я открыл ноутбук и вбил «формула времени падения без начальной скорости».

Ответ: «Умножьте высоту на два, поделите на ускорение свободного падения, а затем из результата извлеките квадратный корень».

Я мысленно хлопнул себя по лбу. Ускорение свободного падения!

Открыв блокнот, я записал формулу. Шарик весил килограмм, значит умножаем на один? Я постучал ручкой о стол. Две с половиной секунды для того шарика. Похоже на правду.

Я встал на весы – 54,6. Поморщился. Секунду подумав, обулся, накинул куртку и встал ещё раз. 56,2.

Стоп. Я снова посмотрел на формулу. Что-то масса тела в ней вообще не фигурирует. Кажется, зря мне поставили пятёрку по физике в аттестате. Либо я чего-то не понимаю, либо для моего веса время падения с такой высоты тоже всего две с половиной секунды. Но это как-то мало. Слишком мало...

Однозначно не подходит. Надо поглазеть на других, может чего дельного подскажут.

Я включил в браузере режим инкогнито и перешёл по сохранённой ссылке.

Открылся тёмный фон страницы. И перед тем, как открыть альбом с видеозаписями победителей, я машинально нажал на вкладку «сейчас онлайн». Развернулся список игроков. Я выбрал наугад.

Vas-s-kit: Привет! Я твой новый наставник. На каком ты сейчас задании?

Отправив сообщение, я крутанулся на стуле и постучал пальцами по клавиатуре.

Leningosha2003: прив, а со старым что? 24 – сделал три пореза. Фото нужно?

Vas-s-kit: Нет, верю. Старый взял другого подопечного.

Leningosha2003: даже сраный наставник бросил...

Прочитав это сообщение, я нахмурился. Может зря я ввязываюсь в это дерьмо?

Vas-s-kit: А кто ещё тебя бросил?

Leningosha2003: все

Я чувствую даже через экран, что мой новый собеседник уже закрылся в своей смертельной ракушке. А мне хорошо известно, что кроме мрака, в ней нет ничего. Надо вытащить его оттуда или хотя бы просто приоткрыть. Впустить немного света. Я знаю это по себе. Только в моём случае человек, который насильно раздвигает створки – это я. Изнутри это делать сложнее. Поэтому я стараюсь не допустить глухого захлопывания, используя свою руку в качестве стопа, как в лифте. А чтобы не было желания засунуть руку обратно, я даю её тем, кто в ней нуждается. Потому что они цепляются за неё как за спасательный круг.

Есть ли смысл выяснять, по какой причине он здесь, на этом сайте, или моя задача просто купировать его желание покончить с собой? Я задаюсь этим вопросом каждый раз. И каждый раз мне приходится бить себя по рукам, чтобы держаться в рамках запланированного.

Я хочу протянуть ему руку, потому что мне, когда это было нужно, никто её не протянул, и я знаю, как это тяжело. Но вы себе не представляете, как много человек способен сделать, если хоть кто-нибудь предложит ему руку помощи! Он может даже не опираться на неё. Факт того, что она просто есть, придаёт плюс сто к уверенности.

Практика показывает, что все игроки в этой игре – подростки. По крайней мере, я ещё ни от кого не слышал другой информации. А с подростками всегда так сложно. Не развитая префронтальная кора, отсутствие опыта, сильное влияние окружающей среды. Один неверный шаг и – бум! – он уже бросается под поезд. Нельзя говорить с ними сверху вниз. Никто не любит

нравоучений от кого-то выше стоящего. Их кумиры как правило ровесники. Я всегда использую приём равенства. Я такой же как ты, брат. Посмотри на меня. Мы одинаковые.

Надо разговорить его. Зацепить и удержать. И потом отступить нельзя: доверие к людям очень сложно восстановить... Почему я не мог найти себе хобби по проще?

Интернет обезличивает; находясь на другом конце связи, я могу стать кем угодно. Но с детьми главное – встать на один с ними уровень. Я мысленно опустил на корточки и повернул кепку козырьком назад. Какие там словечки сейчас молодёжь использует?

Vas-s-kit: *Не ссы, я пока здесь. Сегодня 25?*

Leningosha2003: *ага, я уже сам дату вычислил, не дебил*

Vas-s-kit: *Надеюсь, родителям ты ничего не говорил?*

Leningosha2003: *нет. Но если б и сказал, они бы только обрадовались*

Ага. Значит семья полная, но не благополучная.

Vas-s-kit: *Я тоже так думал, пока руку не сломал. Мои тогда носились со мной как с бабкиным хрусталём.*

Leningosha2003: *когда мой отец сломал мне руку, он избил меня за то, что я пошёл в больницу*

Leningosha2003: *а потом заставил меня сказать, что я сам упал*

Чёртов псих. Его бы в ментовку сдать. Куда я лезу?

Vas-s-kit: *Не справедливо. Но тут мы все в одной лодке. Ты друзьям рассказывал?*

Около пяти минут не было ответа. Но рядом с никнеймом горела зелёная точка, означающая, что собеседник в чате. Может его спалили? Или он так долго думает над ответом? Может у него и друзей-то нет. Если буду навязываться, он может что-то заподозрить...

Leningosha2003: *нет*

Исчерпывающий ответ.

Vas-s-kit: *Уже запланировал что-нибудь? Расскажешь?*

Leningosha2003: *думаю над этим. Смотрел видео победителей, пока не знаю, что выбрать*

Суицидальная активность состоит из нескольких стадий. Первая, которую легче всего купировать, это снижение субъективной ценности жизни. Вторая – на которой застрял я – пассивные мысли с рассуждениями и фантазиями на тему своей смерти. На этом этапе многие люди задерживаются до конца жизни и так и не переходят к следующим. Дальше идёт обретение конкретного замысла. Та стадия, на которой сейчас находится мой оппонент. Это уже серьёзно. Но ещё есть шанс его вытащить. Последняя стадия – планирование. Это когда человек уже выбрал способ и планирует детали для совершения самоубийства. В этой игре мне ещё не попадались люди на этапе планирования – наверное, потому что им уже нет надобности сидеть в интернете и искать каких-то наставников – но есть ощущение, что на этой стадии спасти человека уже не удастся. Надеюсь, я успею его остановить.

Vas-s-kit: *Если нужен будет совет, обращайся. Для этого я здесь.*

Leningosha2003: *ок*

Есть одно наблюдение: никмейм, состоящий из слов и цифр, чаще всего составляют по принципу имя плюс дата. Имя обычно коверкают, сокращая или добавляя окончания, перестановкой букв. Дата – это либо число рождения, либо год. Ленингоша 2003. Это сколько ему сейчас? Лет тринадцать-четырнадцать? По статистике, суицидальная активность резко возрастает именно в этом возрасте. Бедный ребёнок.

Всегда было интересно посмотреть на родителей игроков. Что это за люди? Как они могли настолько упустить своих детей? И почему этих детей у них ещё не отобрали. Жить в детском доме не так уж и плохо. Если на другой чаше весов безучастные, бесполезные, усложняющие жизнь родители.

В моём детстве не было сложностей с родителями. По той простой причине, что их вообще не было.

Что лучше: иметь плохих родителей или не иметь никаких? В любом случае дети будут недовольны. И что вообще значит «плохой»? Тот, кто делает то, что тебе не нравится? Но может это нравится кому-то другому. Получается, можно быть для кого-то плохим, и при этом для кого-то хорошим. О субъективных вещах можно спорить бесконечно. И в этом споре истина никогда не родится.

Я открыл заметки в телефоне и стал вписывать подсказки для себя.

«Вытащить эмоции наружу
Вычленить противоречия
Перевести фокус с негатива
Изменить взгляд на родителей
Придумать аналогичные драмы
Отрезать от игры»

У меня осталось ровно двадцать пять дней. Успею ли?

Глава 7. Лёня

Блеск! Какой-то новый наставник. Неужели я настолько жалок, что от меня даже онлайн-люди сбегают? Я уставился в экран.

Vas-s-kit: Ты друзьям рассказывал?

Друзьям? Я задумался.

А кого можно считать другом? Того, с кем проводишь больше времени? Или того, с кем можешь поговорить в любой момент? Вовка? Наверное, нет. Ярик? Однозначно нет. Но вообще я бы хотел, чтобы Ярик был моим другом. Он реально крутой!

Я часто слышал фразу: «Между мужчиной и женщиной дружбы не бывает». Почему? А она вообще существует? С нами иногда тусуются девчонки. И у них, знаете ли, нет особых привилегий. Если кто-то приносит радостную новость, его обнимали всей толпой, хлопали по спине, чмокали в голову. Если кто-то, по мнению большинства, поступал подло – его били. Тоже всей толпой. И не важно, какого пола человек.

В нашей компании никто никому не друг. Несмотря на коллективные «мероприятия», у нас каждый сам по себе.

Я повернулся к окну. Наверное, у меня всего один друг – Гоша. Только он всегда готов меня выслушать. Почти каждый вечер я рассказываю ему о том, как прошёл мой день. Вот и сейчас, услышав звук клавиатуры, он с любопытством высунулся из своего укрытия.

– Привет, дружище, – прошептал я.

Гоша посмотрел на меня всеми восемью глазками и скрылся в трещине оконной рамы.

Leningosha2003: нет

Чё он докопался? Нет у меня пока плана. Я хотел посмотреть видео, но не стал. Не смог. Не знаю, почему я соврал наставнику.

Объясню. На сайте нашей игры есть такой раздел «Список Победителей». Там собраны видео тех, кто дошёл до финала. Их последние задания.

Мне до финального задания осталось 25 дней. За это время нужно просмотреть все видео, чтобы методом исключения придумать такой способ, которого ещё не было. Я хочу быть первым, оригинальным, чтобы мной восхищались.

Больше двух недель я пытался заставить себя, но почему-то не мог смотреть на это. Даже мелкие стоп-кадры из ленты видео казались мне отвратительными. Меня выворачивало от одной только мысли, чем всё закончится. Я не был готов к тому, чтобы видеть своими глазами, что случается с человеком после смерти. Судороги, рвота, закатанные глаза? Может они орут от боли, плачут или бьются об стену в конвульсиях. А может всё вместе.

Нет, я не готов это видеть. Пусть даже через экран.

Но блин, мне так хотелось быть как они! Чтоб моё имя светилось в этом списке, чтоб меня знали в лицо! Хочу оставить память о себе. Наконец меня начнут уважать. Вы себе не представляете, как много для меня это значит. Быть кем-то, чего-то добиться. Отец с детства говорил, что такое ничтожество как я никогда ничего не добьётся. Ну вот и посмотрим!

Я сделаю это дома. Вряд ли до старпёров дойдёт видео, выложенное в интернете, а я хочу, чтобы они видели. Чтоб знали, что это их вина, что это произошло прямо у них под носом. И чтоб жили с этим всю оставшуюся жизнь.

Мне нужно больше информации о способах и этапах подготовки. Самое простое – перекопать подряд все видео из списка.

Но я зассал. Я не открыл ни один ролик. Придётся интуитивно придумывать что-то крутое.

В моей семье работает только мать; отец на пенсии по выслуге лет. Даже когда его не слышно и не видно, атмосфера в доме всё равно накалённая. Не знаю, как это объяснить. Как будто воздух наэлектризован и в любую секунду рванет. Даже через наушники и закрытую дверь я слышал грузное шарканье в коридоре. Машинально напрягал плечи и судорожно осматривался – можно ли к чему-то сейчас придраться? Хватал первую попавшуюся тетрадь или книгу, чтобы в случае внезапного появления сделать вид, что я занят чем-то полезным. Но это никогда не работало. По мнению отца, я всегда занимался хренью. Чем-то не тем. Или не в то время. Я никогда не угадывал и отхватывал тычки, подзатыльники и новые унижительные прозвища.

Первые годы жизни я вообще не знал своего имени. Названия меня постоянно менялись. Мелкий, щенок, сопляк, чучело, шнырь, слизняк – это всё я. Мать, если и говорила со мной, то только подходя чуть ли не вплотную, чтобы я без обращения понимал, кому направлены слова. Однажды на детской площадке ко мне подошёл другой мальчик и спросил, как меня зовут. Я не ответил, потому что не знал. И он прилепил на меня ещё одно имя – чудик.

Мне тогда не приходило в голову, что это не нормально. Я думал, так у всех.

Когда я видел, как по улице идут отец с ребёнком за руку, мне становилось грустно. Потому что сейчас они скроются за ближайшим углом, и старший начнёт лупить младшего. Меня брали за руку только для этого.

С годами я стал замечать, что на других детях синяков почти не видно. В основном на коленках. Их что, бьют только по ногам? Везёт же.

Мои мысли перебили крики с кухни.

– Это вонь палёной человечины, я что, debil, по-твоему?! – отец орал, срываясь на истеричный визг. Голос матери звучал еле слышно.

– Я жарю курицу, Лёш, вот, смотри.

По звуку разгрома до меня дошло, что сковородка с курицей полетела в окно. Не хотел бы я оказаться на месте того, кто сейчас проходит под нашими окнами. Матери придётся ускоренно готовить что-то новое. На чём?

– Последний раз предупреждаю, не выводи меня!

Это уже было сказано тише и на ходу. Если я правильно понял, обеда сегодня не будет.

Дверь в мою комнату распахнулась так, что я аж подскочил. Отец держал бутылку за горлышко, обвел ею помещение и прошипел:

– Ты чё тут, порнуху смотришь?

– Н-нет.

– А какого хрена дверь закрыл?!

– Чтоб тебе не мешать.

Этот псих шарил глазами по столу, кровати, полкам и остановил взгляд на окне.

– Сколько раз я говорил закрывать шторы? Хочешь, чтобы нас всех перестреляли?!

Он рывком зашторил окно и шагнул ко мне, тыча пальцем держащей бутылку руки. Вторая рука была сжата в кулак.

– Слушай сюда, сукин сын. Узнаю, что куришь, или дроишь, или ещё какой-нибудь хернёй занимаешься – башку оторву.

В ответе он не нуждался. Бормоча себе под нос: «Говнюк», отец зашаркал обратно на кухню.

– Мы жрать сегодня будем или что? – завопил он. Мать метнулась на улицу, за сковородкой. Под её ногами, забившись в подошву тапок, хрустели осколки разбитого окна.

Видели, насколько он не адекватный? Поэтому я сваливаю.

* * *

Сегодня нас четверо: Ярик, Вовка, Гриша и я. Без девчонок, чему я несказанно рад. Ярик повёл нас к каким-то гаражам. У него есть странная тяга ко всяким опасным и полузаконным штукам. Мы забрались на облезлый зелёный гараж и уселись в круг. Гриша достал бутылку водки, апельсиновый сок, пластиковые стаканчики; раздал каждому в руки. Мы чокнулись.

– Если ещё кто придёт, пусть с собой принесут, – сказал он Ярику.

– Я тебе чё, секретарь? Напиши Кабану.

Гриша цокнул и достал телефон. Вовка предложил перелезть на другой гараж.

– Кто не допрыгнет, тот лох, – сказал он и перелетел на соседнюю крышу.

Ярик и Гриша махнули следом.

Я опустил голову и сглотнул подступивший страх. Далековато. Вообще-то я уже не ребёнок для таких глупостей. Если эти придурки хотят прыгать, пусть прыгают. А у меня есть своя голова и своё мнение.

Я начал мысленно подбирать слова, чтобы уверенно настоять на своём и отказаться. Я представил, как гордо разворачиваюсь и ухожу, а эти идиоты глазеют на меня и становятся меньше, хуже, тупее. Я как Вин Дизель, который идёт, не оборачиваясь на взрыв. Я выше этого.

И тут прозвучала волшебная фраза.

– Ты чё, ссыкло?

Конечно я прыгнул. Потому что я не ссыкло.

Несмотря на это, они продолжали меня подкалывать: слишком долго решался. Ну извините, что я предпочитаю выбрать смерть сам, а не свернуть шею по тупости!

Вовка включил музыку на телефоне и начал танцевать. Танцем это назвать сложно, но ему было плевать. Мне всегда нравилась в нём эта лёгкость. Он смешно шутил, но над его шутками не принято было смеяться громче, чем над шутками Ярика. Я тоже сдерживался, когда это было необходимо, но, если мы оказывались вдвоём, я ржал во весь голос, закидывая голову и хлопая его по спине. Он не обижался: в компании правила для всех одинаковы. Когда шутил я, он поступал также.

Мы с Гришей сели посередине крыши и скинули в центр мелочь и сигареты – у кого сколько было в карманах. Ярик игрался с зажигалкой. В наших нищевородских подсчётах он никогда не участвовал.

– Чё Кабан сказал? – бросил он нам.

– Минут через двадцать будет, – отчитался Гриша. – Я спущусь, мы в магаз зайдём.

– Давай.

Гриша сгрёб всю мелочь, поднялся и подошёл к краю.

– Зацените!

Он сделал сальто и приземлился на ноги.

– Хоро-о-о-ш! – захлопали мы. Вовка тут же подпрыгнул.

– Я тоже так могу!

И сиганул вниз. Я не успел испугаться за него. У него вышло не так удачно, но вроде ничего не сломал. Когда он вкарабкался обратно, я – то ли с гордостью, то ли с осуждением – сказал:

– Ну ты псих.

Вовка воспринял это как комплимент. По большей части из-за того, что Ярик молча показал одобрительный жест. Я даже не знаю, что нужно сделать мне, чтобы получить такой жест. Но кидаться с крыши я точно не планирую. По крайней мере в ближайшие двадцать три дня.

Гриша вернулся с Кабаном и банками «Ягуара». Когда приносят новое, очевидно, старое нужно срочно допивать. Я разлил остатки «коктейля» по стаканчикам. Кабан шлёпнул к нашим ногам пакет.

– Гляньте чё принёс.

Вовка взял пакет и, не заглянув в него, протянул Ярику. Тот бесцеремонно вытряхнул содержимое на пол. Мы сгрудились; в ногах валялись журналы с полуголыми девушками на обложке. Ярик презрительно усмехнулся.

– У тебя чё, интернет отключили?

– Да ты не понимаешь! – Кабан поднял один из журналов. – Они же вот, прямо в руках. Можно потрогать. – Он раскрыл журнал с изображением девушки с голой грудью на развороте и приложил к лицу.

Мы заржали. Ярик поднял остальные журналы и врезал этой стопкой Кабану по плечу.

– Задрот.

По негласным правилам, все заржали ещё громче.

Время летело незаметно, пока мы пили, разглядывая разложенные на полу журналы. Каждая перевёрнутая страница сопровождалась ором, гулом, неприличными жестами. В начале мне было стыдно за пацанов: я молчал, смотрел в сторону, пил. Но на третьем журнале и второй банке я вошёл во вкус.

Откровенно разглядывал картинки, комментировал, хохотал, когда Ярик бил ладонью по сжатому кулаку, а Гриша вскакивал и двигал бёдрами вперёд-назад.

Удивительно, как быстро меняется отношение к жизни из-за какого-то напитка.

Вовка тоже старался вклиниться в общее настроение, но я чувствовал, что что-то не так. Он улыбался невпопад. Глаза бегали по картинкам, не задерживаясь. Через какое-то время я понял, что перехватил его состояние. Поймав его взгляд, я мимикой спросил: «Что случилось?» Он отмахнулся, улыбнулся, выпил.

Не доверяет. Меня задело, что он вот так просто показал, что мы не друзья. Я почувствовал его тоску и одиночество как свои. Сказал себе, что дома меня ждёт Гоша, и что у меня есть друг. Есть ли хоть один друг у Вовки?

По нашей компании я стал замечать, что алкоголь на всех действует по-разному. Ярик, например, начинает рассказывать какие-то истории, поучать, включать настоящего оратора. Кабан цепляется за любую мелочь, чтобы спровоцировать на драку – на то он и кабан. Гриша начинает приставать к девчонкам, если они есть, а если нет, просто переходит на похабные шуточки или виртуальные приставания.

А я проваливаюсь в чёрную дыру. Меня накрывает и прибивает к земле. Из меня как будто всю энергию высасывают, не понимаю откуда её столько в остальных. Вовка, кстати, обычно фонтанирует этой энергией, ему алкоголь придаёт сил. Но сейчас он сидел такой же пришибленный, как и я. И меня расстраивало это ещё больше.

Солнце село, и металлическая крыша гаража быстро остыла. Сидеть на ней уже никому не нравилось.

Когда мы расходились, я выклянчал у Кабана один из журналов. Ну их же реально можно потрогать!

Глава 8. Саша

Я делаю уже третий круг по двору, чтобы найти парковочное место. Единственный минус больших машин – некуда приткнуться в московских дворах. Я всегда учитываю это и выезжаю заранее: не люблю опаздывать. На четвёртом круге оказалось, что прямо недалеко от входа освободилось местечко.

Заходя в комнату, я поймал себя на мысли, что мне хочется увидеть там Василису. Что-то есть в ней такое цепляющее. От неё исходила энергия молодости, которая моментально переносила в прошлое. Хорошо это или плохо?

Всё-таки Витя не так чтобы прям разбирается в командах. Просто иногда ему везёт, а иногда нет. Как и любому из нас. Я решил собрать систему из пяти матчей, параллельно поставив на два экспресса. Одинары в лайве это конечно хорошо, но они почти всегда на удачу. Я переживаю, что могу не успеть или поторопиться и поставить не на то. Мне больше по душе сложные схемы; есть время подумать, просчитать. Это даёт иллюзию контроля.

Я умножал коэффициенты в голове и не слушал происходящее вокруг. Очнулся я только когда присутствующие начали складывать руки на груди.

Куратор дала новое упражнение. Интересное. Надо будет опробовать.

Почему-то мне сложно находиться именно там, где я в настоящий момент. В дороге я думаю о работе. На работе я мысленно с Яной. Дома я пытаюсь вспомнить групповое занятие. В группе я думаю о букмекерке. И только в БК мне удаётся полностью погрузиться в настоящее. Хотя сложно назвать настоящим происходящее на другом конце полушария, к которому ты причастен только путём наблюдения за экраном.

Василисе понравилась моя машина. Приятно. Конечно я предложил ей прокатиться. Не знаю, какие чувства во мне превалировали: мужские или отцовские.

Пока я открывал ей дверь, она нетерпеливо перебирала ножками. Как моя Анфиска, когда ей было семь.

Сев за руль, я заметил несколько пылинок на приборной панели – проклятое солнце их специально для меня подсветило. Василиса с насмешкой наблюдала, как я их стираю.

– Тебе не говорили, что при лечении ОКР нельзя потакать своим маниакальным привычкам в соблюдении стерильности?

– А тебе родители не говорили, что нельзя садиться в машину к незнакомцам? – спросил я, пока мы ещё не отъехали.

– Не-а, у меня их не было.

Я запнулся. Надо ли расспрашивать подробности? Или это задача куратора на групповом сеансе?

Какое-то время мы ехали молча. Вася ощупывала салон моей машины как невиданного зверя. Её глаза были полны восторга.

– Не похоже, что ты тут кого-то возишь, – сказала она, осматривая сиденье.

– А кого я должен возить?

– Жену, например. Любовниц.

– На любовниц у меня нет ни сил, ни времени, ни денег. А у жены есть своя машина.

– Хорошо живёте. А она вообще знает, что ты сюда ходишь?

Этим вопросом Вася будто дала мне пощёчину. Не знает. Она не может знать ничего о моей жизни, потому что скоро будет ровно десять лет, как её в ней нет.

Эта машина появилась у меня после того, как окупился оружейный магазин. Тогда я был уже один и не знал, куда тратить деньги, если нет ни жены, ни детей. Потому и купил её. Копить, откладывать? На что? Кому? А сколько мне осталось, я и думать боюсь.

– Что ты забыл в этой группе?

Она задала этот вопрос так просто, что я даже растерялся.

– Я имею в виду, разве у вашего поколения бывает депрессия?

– В наше время депрессий не было. Точнее, её просто не диагностировали. Принято было молча спиваться и вешаться в сарае.

Вася звонко рассмеялась. В этом смехе звучало что-то истеричное.

– А что тебя заставило отклониться от этой проверенной десятилетиями схемы?

Я побарабанил пальцами по приборной панели, смахнул с неё пылинки и уставился в окно.

– Сарая нет.

Она снова рассмеялась. В каждой шутке есть доля правды. Есть ли хоть доля шутки в моей шутке?

Мимо нас проехали подростки на велосипедах. Почти не держась за руль, крича и жестикулируя друг другу, не глядя на дорогу.

– Как будто это так легко... – задумчиво произнесла Вася.

– Легко что? Ездить на велосипеде?

– Да.

– Это очень легко. Ты разве не умеешь?

Василиса сжала губы и отрицательно покачала головой.

– Обычно этому учат родители.

Я не нашёл, что ответить. Мне захотелось прижать её к себе. Ну сколько ей? Лет двадцать пять от силы. Ребёнок.

Если бы Ванька был жив, он сейчас был бы примерно её возраста. Только вот я не учил его кататься на велосипеде. А он умел.

– Хочешь, я тебя научу?

Вася захохотала.

– Если я за тридцать лет не научился, значит оно мне и не надо.

Мы молчали и продолжали смотреть в окно, пытаясь зацепиться за что-нибудь ещё, чтобы не прерывать разговор. Следом за велосипедными гонщиками большим чёрным пятном проплыли люди в какой-то заgrabной атрибутике. Как там их раньше называли? Готы? Я думал, они уже не в моде.

– Несчастные дети, – сказала Вася, тыча в стекло пальцем. Я фыркнул.

– Это всё – игра на публику.

– А ты в курсе, что восемьдесят процентов завершённых подростковых суицидов – это переигранная демонстрация?

– Думаешь, вестись на манипуляции – хорошая идея?

– Да. Даже если это откровенный шантаж, очень часто они умирают случайно. Потому что не рассчитали, переборщили, не смогли остановиться. Потому что это дети.

– А может, они просто привлекают к себе внимание?

Василиса заёрзала и устроилась по удобнее.

– Вот меня всегда раздражала одна вещь... Даже не раздражала, а находилась вне моего понимания.

Я заинтриговано подался вперёд.

– Представь подростка, – продолжала она, – который ни с того ни с сего стал каким-то смурным, молчаливым. Замкнулся, оделся в чёрное. И вот если подойти к его родителям и сказать, мол, посмотрите, с ним что-то не так. Может надо поговорить или отправить его к психологу? Девяносто процентов из них лишь отмахнуться: «Ах, он просто привлекает к себе внимание».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.